

многооточий является, так сказать, параллелью к употребляемым нами для разных степеней раздельности речи знакам: запятая, точка с запятой и точка. К сожалению, эта борьба с общепринятой нечеткой пунктуацией, эти попытки, не подчиняясь ей, подчинить ее себе, усовершенствовать знакоположение для выражения утонченных оттенков языка, эти приемы проницательного и чуткого писателя, отражающего с особой полнотой, точностью и сознательностью и те явления литературной речи, которые в пишущих массах уже уложились в механические категории, — все эти попытки рациональной творческой пунктуации автора были не поняты и отвергнуты редакцией «Вестника Европы», которая приразняла их к простому отступлению от обычных норм письма и оценила их как неполную грамотность. Корректоры «Вестника Европы», не считаясь с рукописью автора, везде ставили многооточие в виде трех точек. В позднейших изданиях, прежде всего выходявших из типографии Глазуновых, эти многооточия из трех точек были заменены многооточиями из четырех точек, которые оказались совершенно нелепыми во многих местах тургеневского текста, например, в середине фраз, при кратких перерывах речи. Ср., например, текст «Маши».

В рукописи: Вот однажды нанял я такого извозчика. . Парень лет двадцати и т. д. В издании 1883 г.: Вот однажды нанял я такого извозчика. . . . Парень лет двадцати и т. д. (IX, 548).

В рукописи: Ты ее любил. . жену-то свою? В издании 1883 г.: Ты ее любил. . . Жену-то свою? (IX, 549).

В подобных случаях лучше бы помириться с своеобразием авторской пунктуации, чем с такими грубыми отступлениями от пунктуации рукописей Тургенева.

В одном только случае графический знак, стоящий не на своем месте, обнаруживает неудачное правописание Тургенева (а, может быть, и неправильное произношение автора, что, впрочем, мало вероятно). Именно, обозначая всегда *e* как *ё* в слове *еще*, автор не отличает тех случаев, когда это слово произносится без ударения, например, в сочетаниях *еще не*, *еще ни* и подобных с значением: пока, до сих пор, даже.

Приведу несколько примеров: А и теперь *ещё* видать («Деревня»); *ещё* ни разу («Разговор»); в молодых летах *ещё* будучи («Соперник»); пока *ещё* могла держаться на ногах («Памяти Ю. П. Вревской») и т. п.

Само собой разумеется, что пунктуация И. С. Тургенева и не может быть современной нам. Она, как и вся его орфография, необходимо должна отражать прежде всего нормы письменной речи 30-х и 40-х годов прошлого столетия. Некоторая архаичность письма в рукописях И. С. Тургенева, даже таких поздних, как «Стихотворения в прозе», факт совершенно очевидный. Автор, например, не ставит запятой после междометия *о* при обращении: О довольство, покой, избыток русской, вольной деревни! О тишь и благодать! («Деревня»). Поведай мне, о мой согра-

жданин! («Два четверостишия»). О лазурное царство! («Лазурное царство»). О великий, могучий, правдивый и свободный Русский язык! («Русский язык»). Объяснение этого найдем в «Практической русской грамматике» Н. Греча, Спб., 1834, стр. 523: «Междометие *о* не отделяется от звательного слова; например: О судии мои! люблю вас и почитаю». Много позднее это же правило повторяется Буслаевым в «Исторической грамматике русского языка, Синтаксис», М., 1881, стр. 105: «Междометия *о*, *эй*, усиливающие восклицание, от звательного падежа не отделяются: напр. «о ты!», «эй приятель!»

Старое правило оправдывается в данных случаях произношением: междометие тесно примыкает к звательной форме, пауза отсутствует. Существующий ныне обычай ставить после междометия *о* запятую противоречит произношению, опирается на чисто формальный признак и введен не учеными, не писателями, а школьными учителями и корректорами.

Чувство, ощущение языка живого, произносимого выражается у Тургенева и в постановке соединительной черты перед неудачными словами, примыкающими к предшествующему ударяемому слову: *кушай-мол* («Деревня»), *хотел-было* («Конец света»), *начал-было* («Два четверостишия»), *только-что* («Камень»), *опять-таки* («Повесить его!»). Обычная пунктуация или не учитывает эти живые связи слов (пишем: *хотел было*), или вместо существующего соединения указывает разделение слов (*кушай, мол*, на здоровье). Вполне правильно издание 1930 г. в указанных выше случаях отсутствия запятой и наличия соединительной черты следует авторской пунктуации, хотя и не с полной последовательностью.

XVI. В заключение сделаем главные выводы из наших наблюдений и замечаний.

1. Тексты сочинений И. С. Тургенева в проверенных нами изданиях Глазунова и Маркса содержат значительное число недочетов всякого рода: неверную передачу слов и фраз, вставки и пропуски их, неосторожные поправки, искажающие смысл авторской речи, модернизацию форм грамматики и лексики, очищение языка автора от намеренно употребленных им провинциализмов и архаизмов, установление шаблонной орфографии и пунктуации, нередко с невыгодными для текста отступлениями от рукописей и первопечатных изданий. Ошибки посмертного издания 1883 г. частично перешли и в издание Гиза.

2. На подобные издания, в особенности на издания Салаева — Думнова, которые сам автор называет «безобразными» в отношении передачи его текста, а также на издание Маркса 1898 г., никак нельзя опираться с полным доверием к тексту при изучении и научном использовании языка нашего писателя, например, при извлечении примеров из Тургенева для лингвистических исследований, словарей и т. п. Если бы автор подобного исследования брал примеры из названных изданий сочинений Тургеневых для решения, положим, таких вопросов: